

ХУДОЖНИК И ГЕРЦОГИНЯ

Импр. —
1998. — 5
сент. — с.
5.

В Государственном Эрмитаже 3 сентября открылась выставка двух картин. В Петербург из музея Прадо прибыли две махи — “Маха одетая” и “Маха обнаженная” кисти великого испанца Франсиско Гойи.

Эти картины уже давно признаны чудом живописи и национальным достоянием Испании. Но в них есть тайна, которую разгадывали и досужие собиратели сплетен, и серьезные писатели, и строгие исследователи.

хочется понять, любила ли эта прекрасная женщина человека, которому позволила изобразить себя нагой? Запрет инквизиции изображать нагое тело был строг, и позволить себе подобную вольность могли только избранные.

...Художник, вышедший из низов, и гордая герцогиня Альба. Плебей и аристократка. Старейший, глухонудый, некрасивый мужчина и молодая, капризная, непредсказуемая красавица. Великий талант и покровительница искусств. Вот что мы знаем о них. Но знаем ли мы, что их связывало? Действительно ли долгие годы они любили друг друга? И действительно ли на этих двух картинах — она, герцогиня Альба?

Гойя часто гостил в одном из 17 замков герцогини. Часто писал и рисовал ее. На одном из портретов, где она изображена в костюме махи, недавно была обнаружена надпись “Только Гойя”, на которую герцогиня указывала пальчиком. Эти слова были тщательно замазаны краской. Выставлять напоказ свои чувства было опасно даже в куртуазном XVIII веке, когда замужняя знатная дама не просто могла, а была обязана иметь поклонника — кортехо. Но глубокая страсть, серьезное чувство? Это — вызов обществу, нарушение приличий и правил. Этого не прощали ни в XVIII веке в Испании, ни в XIX — в России (вспомним Анну Каренину).

Всматриваясь в эти картины,

Герцогиня Альба была одной из них. Ее дед, который по знатности и богатству считал себя равным королю, воспитал свою Казтану на книгах Руссо. А своевольный характер толкал ее на рискованные капризы. Художник же рисковал еще более. Почему же первый живописец королевства решил

нарушить запрет? Ведь он мог потерять все, чего добился годами труда, покорности и унижений. Любовь ли к женщине его заставила сделать это? Или любовь к искусству? Он говорил, что его учителями были природа, Веласкес и Рембрандт. Природа создала прекрасное женское тело, и Веласкес

и Рембрандт его изображали. Неужели он, Гойя, устрасится и не напишет ту, которую поэты называли Венерой, звездой любви, первой красавицей Испании?

Кстати, обе махи висели в кабинете князя Мануэля Годоя, фаворита королевы, в кабинете, специально предназначенном для картин с обнаженной натурой. И махи эти назывались тогда Венерами. А кто же такие махи? Это женщины из простонародья, часто цыганки, в любви они были пылкими и непостоянными: “На улице королева, в церкви — ангел, в постели — сатана”. А та женщина, что на картине, — тоже такая? Прозрачная светлая ткань облегает тело. Острый, какой-то допрашивающий взгляд, и ни проблеска улыбки. Гойя изобразил любовь и красоту по-испански грозной, зловещей и прекрасной.

История самих этих картин тоже имеет трагические страницы. В 1814 году они вместе с тремя другими полотнами из кабинета Годоя были переданы в инквизицию. “Выпустили” их лишь через 20 лет. А в 1900 году они были показаны на выставке. Уже почти сто лет картины находятся в музее Прадо и оттуда отправляются путешествовать по миру. Были в Лондоне, Женеве, Нью-Йорке. В Петербург прибыли на два месяца — по обмену: несколько лет назад в Испании были выставлены два шедевра из Эр-

митажа — “Мадонна Литта” Рафаэля и “Лютнист” Караваджо.

Молодая, пылкая и одновременно целомудренная — кто же она? Казтана Альба или просто испанская женщина, олицетворение любви и страсти?

Полина СОЛОВЕЙ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.